

Ценности и идентичность в трансформирующемся мире

УДК 124.5

Л. И. Седова

Традиционные ценности в структуре этнокультурной идентичности современной молодежи

Аннотация:

Социокультурная среда социализации современного молодого поколения формируется под влиянием разнонаправленных трансформационных процессов, охватывающих как отдельные государства, так и мировое сообщество в целом. Глобализация, сопровождающаяся взаимопроникновением культурных образцов, норм и стилей жизни, увеличивает пространственные рамки идентификации. Происходит расширение числа агентов и факторов социализации, среди которых массовая культура занимает лидирующую позицию, а традиционные, базовые для культуры ценности уходят на второй план. Возникновение и распространение новых средств и систем коммуникации преобразуют условия складывания идентичности молодого поколения. Противоречивые тенденции социализации усиливаются под влиянием идеологии всеобщей толерантности, роста числа общественных движений, эмансипации меньшинств. В таких условиях актуализируется проблема этнокультурной идентичности, обладающей высоким интеграционным потенциалом в культурной системе.

Ключевые слова: идентичность, социальная идентичность, этнокультурная идентичность, ценности, ценностные ориентации, традиционные ценности, молодежь

Об авторе: Седова Любовь Игоревна, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, старший преподаватель; эл. почта: lyubov_m@bmstu.ru

Актуальность

Длительные социокультурные трансформации, начавшиеся в конце XX в., влекут за собой переопределение базовых параметров традиционной для российского общества модели идентичности. Демократизация в поле политики, модернизация и формирование рыночной экономики формируют условия для размывания устоявшихся социальных

статусов и ролей. Разрушение в 1990-х – начале 2000-х гг. социально-классовой структуры постсоветского пространства обернулось появлением новых слоев и профессиональных групп [2]. Неоднородность складывающейся модели усложняется общемировыми процессами глобализации, заимствованием культурных образцов, норм и стилей жизни.

Сформировавшаяся в результате среда социализации молодого поколения характеризуется разрастанием информационного поля, появлением новых вызовов и требований к самоопределению. Рост толерантности, эмансипация различного рода меньшинств, распространение индивидуалистических ценностей коренным образом преобразуют пространство идентификации. Увеличивается число агентов и факторов социализации, выходят на сцену новые сообщества и общественные движения, в том числе сетевой природы, возрастает значение мнений локальных лидеров. Исследователи констатируют кризис традиционных форм идентичности и появление запроса на альтернативные или дополняющие способы самоопределения [13]. В связи с этим актуализируется вопрос о базисной, этнокультурной идентичности, особенностях ее формирования и манифестации в глобализирующемся мире.

Ситуацию в посткоммунистическом мире В. Г. Федотова характеризует термином «анархия». Автор выделяет шесть ключевых тенденций, приводящих к подобному состоянию: слабость центральной власти, отсутствие координации федеральных и региональных властей, недостаточная институционализация – нехватка социальных институтов или их неадекватное функционирование, разрушенность установлений – норм и правил, ослабление моральных устоев, потеря структур идентичности [18]. Причины этих процессов кроются, по мнению исследователя, в трансформациях, связанных сначала с распадом Советского Союза, перестройкой, а затем – с демократическими преобразованиями и модернизацией. Ситуация на ценностно-нормативном уровне представляет собой «аномию» в лексике Э. Дюркгейма: старые нормы и образцы разрушены, а новые еще не сформировались. Длительное пребывание общественного организма в состоянии безнормности порождает анархию как форму самопомощи в условиях отсутствия сильной государственной власти, эффективного управления и дисфункции социальных институтов.

Идентичность в трансформирующемся обществе

На личностном уровне в условиях анархии развивается кризис идентичности. Согласно В. Г. Федотовой, к базовым характеристикам идентичности, складывающейся

на постсоветском пространстве, относятся: временность, персональная дезинтегрированность, чувство опасности, зависимость, давление со стороны ближайшего окружения, незащищенность [19, с. 113]. Все это свидетельствует о кризисе идентичности в современной России, причем речь идет не только о личной, но и коллективной самоощущенности индивидов как членов общества.

Коллективная или «мы-идентичность», согласно немецкому культурологу Я. Ассману, не существует независимо от членов группы, но только в их сознании и благодаря ему, и в той степени, в которой она способна направлять их мышление и мотивировать действия [1]. Чувство самоощущенности, таким образом, имеет культурную природу и представляет собой продукт социального конструирования. В состоянии анархии общество не способно обеспечить функционирование сети социальных институтов, производящих коллективные идентичности.

Появляется фигура так называемого «единственного» – негативно-свободного индивида. Это не автономный рациональный индивид западного общества. Негативный, неукорененный индивид постсоветского мира утрачивает контроль над социальными процессами и собственной жизненной траекторией – с одной стороны, и не имеет чувства преемственности с коллективным прошлым – с другой. Возникает феномен изоляционизма, когда «другой» представляется источником опасности. Проявлением кризиса становится дихотомия форм идентификации: негативной – противопоставления себя другим, и индивидуалистической – не связывающей себя с другими [19, с. 42]. В обоих случаях коллективная идентичность отсутствует, что приводит к изоляционизму, обособлению от «другого» и разрушению социальных связей.

Глобализация усиливает кризисные проявления в пространстве идентификации. Н. Н. Федотова отмечает, что рост числа и многообразия социальных связей «разрывает национальные и культурные контексты, невозполнимые для большинства глобальным самоопределением» [20, с. 80]. Связывание мира в единое целое не приводит к формированию общей для всех идентичности. Напротив, складывающаяся ситуация характеризуется конкуренцией смыслов и ценностей, фрагментацией и плюрализацией идентичности. Подлинный кризис наступает тогда, когда между множеством противоборствующих смыслов не находится точки пересечения [20, с. 79]. Реакцией на кризис становится поиск локальных основ самоопределения, возврат к традиционным ценностям культуры, в том числе этническим и религиозным.

Неопределенность и подвижность среды социализации провоцируют флуктуации в пространстве идентичности. Снижается значимость национальных границ

самоопределения, на смену им приходят новые формы. Многообразие конкурирующих между собой «фабрик смыслов» дополняется возможностями виртуальной среды. Согласно И. В. Малыгиной, намечается тренд к замещению идентичности ее «квазиформами» – имитациями самоотождествления, складывающимися на основе причисления индивидом себя к различного рода сообществам Интернет-пространства [13, с. 180]. Создается видимость обретения «смысла себя» (С. Хантингтон), на смену идентичности приходит «маска» – «неотъемлемый атрибут и способ самопрезентации индивида в пространстве посткультуры» [13, с. 180]. Цифровой мир диктует необходимость постоянной смены масок, в зависимости от ситуативной включенности в виртуальное сообщество. Идентичность становится еще более плюралистичной, а ее выбор – более сложным.

В обществе, расколотом изнутри и охваченном процессами глобализации и информатизации, поиск идентичности становится проблемой. «Текущая современность» (З. Бауман) увеличивает многообразие возможностей, но в то же время обесценивает авторитеты, разрушает устоявшиеся ориентиры. Отсутствие опоры в настоящем вынуждает группы и сообщества обращаться к прошлому в попытках восстановить преемственность и обрести истоки своего «Мы». Однако возврат к корням осуществляется в искаженной форме: история становится ареной борьбы локальных сообществ за самоопределение. Радикализация, неправомерное использование прошлого приводит к тому, что П. Нора назвал «расстройством исторической идентичности» [16]. Соперничество мемориальных групп, стремящихся навязать свое видение истории, принимает формы виктимизации фактов и событий. «Мы переходим от скромной памяти, которая лишь просит признания, уважения и хочет войти в большой нарратив коллективной истории нации, к памяти, обвиняющей и уничтожающей эту историю» [16]. В манипулятивных целях сообщества навешивают ярлыки на отдельные периоды, оценивая их с позиции актуальных потребностей, часто придавая прошлому негативную окраску. Приобретаемый таким образом статус жертвы дает права не только на историю, но и на самоопределение в настоящем.

Парадоксальность постиндустриальной эпохи в том, что идентичность, переживающая кризис, остается тем не менее преобладающим организующим принципом. М. Кастельс определяет идентичность как «процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе данного культурного свойства или совокупности свойств, исключая более широкую соотнесенность с другими социальными структурами» [8, с. 43]. Автор отмечает, что в

быстро меняющемся обществе идентичность остается тем базисом, относительно которого выстраивается система смыслов. Ключевой проблемой в условиях фрагментации пространства самоопределения становится поиск новых связей, в том числе связей с прошлым, которые позволили бы реконструировать идентичность.

Таким образом, в связи с трансформационными процессами в культуре и обществе XX-XXI вв., среди которых глобализация занимает ведущее положение, нарастает кризис традиционных форм социальной идентичности. Актуализируется вопрос о поиске стабилизирующей и консолидирующей основы в условиях социальных изменений, ставящих под вопрос национальный суверенитет и самоопределение в границах нации.

Интегративный потенциал этнокультурной идентичности

Последние десятилетия XX в. отмечены «эрозией национальной идентичности» (С. Хантингтон). Общественные движения, эмансипация меньшинств, политика мультикультурализма на фоне глобализации поставили под сомнение гражданство как базовую категорию идентификации [22, с. 218]. С начала 1990-х гг. обозначилась тенденция конструирования общности вокруг первичных, примордиальных идентичностей [8]. Исследователи отмечают возрастание роли локальных (религиозных, этнических, языковых) факторов солидаризации. Наибольшим интегрирующим ресурсом в ряду других форм самоопределения в условиях современной России, обладает, согласно И. В. Малыгиной, этнокультурная идентичность [12]. Ее специфика вытекает из архаичной природы, органичности для самой природы человека.

Этнокультурная идентичность представляет собой «сложный социально-психологический феномен, содержание которого определяет осознание (как индивидуальное, так и коллективное) общности и единства локальной (этнонациональной) группы на основе разделяемой культуры, психологическое переживание этой общности и культурообусловленные формы ее манифестации, как индивидуальные, так и коллективные» [15, с. 94]. Этнокультурная идентичность – явление примордиальное, возникающее из базовой антропологической характеристики человека. В подсознательном стремлении обрести принадлежность в среде культуры, замещающей исходную природную соотнесенность, реализуется потребность в адаптации. Сложность феномена определяется вариативностью его проявления и многоуровневостью строения.

Отождествление индивида с социальной категорией предполагает единство двух процессов: осознания – с одной стороны, оценивания и эмоционального переживания – с другой [17]. Иными словами, в структуре этнокультурной идентичности можно выделить два компонента: когнитивный или рациональный (осознание принадлежности) и аффективный или чувственно-инстинктивный (эмоциональное отношение) [12]. Над этими компонентами надстраиваются поведенческие стратегии – социальные действия, вытекающие из представления о собственной группе и о себе как члене данной группы. Это совокупность моделей поведения, практик манифестации, «типичных» для представителей той или иной группы, общности или общества в целом. Различные формы этнокультурной идентичности фиксируются в виде определенных «самоидентификатов», указывающих на преобладающую основу самоопределения.

«Вертикальный» срез этнокультурной идентичности представляет собой пирамиду, нижний слой которой занимает родовая идентичность, средний слой – собственно этническая, верхний – национальная [14, с. 242-243]. Исторически первой можно считать родовую идентичность, которая организуется вокруг идеи общего происхождения. Вторая по времени формирования – этническая идентичность или этничность – предполагает определение своей принадлежности в языковых, в некоторых случаях также религиозных границах. И, наконец, более поздний слой – национальное самоопределение – связан с политическими процессами объединения полиэтничных обществ, основанными на культурной унификации.

Национальная идентичность складывается по принципу «симультантности» – совмещения одновременных компонентов: исходные родовая и этническая идентичности дополняются гражданской [14]. Функционирование национальной идентичности прецедентно: актуализация ее консолидирующих элементов (родовых, этнических) зависит от вида внешнего воздействия или угрозы целостности нации. Динамика этнокультурной идентичности представляет собой не линейное движение, а последовательное образование новых слоев, сопровождающееся трансформацией ранее существующих и их последующей интеграцией.

Диалектика этнокультурной идентичности образуется сочетанием дифференцирующей и интегрирующей функции с преобладанием последней. «Она формируется в процессе дифференциации социальных общностей друг от друга на основании социокультурных различий и, вместе с тем, стимулирует интеграционные процессы в культурно-гомогенном обществе» [15, с. 116]. Этнокультурная идентичность

играет первостепенную роль в процессе социальной интеграции, а ее консолидирующий потенциал базируется на культуре общества.

Дуальная природа идентичности описывается Я. Ассманом в терминах интегративной и дифференциальной интенсификации [1]. Импульсы интенсификации реализуются в сложных культурных системах, сложившихся в результате объединения нескольких этносов, как отношения между целым и частью. Интегративная интенсификация проявляется в объединении нескольких «субформаций» или этнических групп в одну систему. Она складывается под воздействием «идеологии вертикальной солидарности», когда в культуре выделяется одна центральная идентичность, символизирующая тождественность всего общества. Это собственно культурная или приобретенная идентичность.

Дифференциальная интенсификация приводит к отделению от других культурных формаций, а также к внутренней стратификации. Я. Ассман приводит в пример три частных случая этого процесса: борьба меньшинств за самоопределение; сопротивление консервативных групп модернизации; добровольная эксклюзия элит. Первые два примера иллюстрируют горизонтальную дифференциацию, последний – вертикальную.

Степень внутренней согласованности и единства различается в обществах разного типа. Предельная целостность и общность традиционных обществ продуцируется этнической культурой. Коллективная, и в том числе этнокультурная идентичность, обосновывается и передается из поколения в поколение посредством системы символов. «Символический мир смысла» или «картина мира» культуры передаются и поддерживаются социальными субъектами в процессе взаимодействия благодаря общему языку. Принимая ценности культуры, интернализируя их до уровня ценностных ориентаций, социальный субъект обретает культурную идентичность.

Роль ценностей в этнокультурной идентификации

Первичные компоненты этнокультурной идентичности, такие как осознание единства этнической группы на основе разделяемой культуры и психологическое переживание этой общности, формируются в сознании молодого поколения в процессе социализации, в результате освоения и принятия ценностей и норм общества. Идентичность, будучи социально и культурно обусловленной, конструируется («интенсифицируется») в процессе социального взаимодействия. Обобщая факторы

формирования самоидентичности, И. В. Малыгина делит их на две большие группы [15, с. 54-55]:

- непосредственное взаимодействие в малых группах (коммуникация со «значимыми другими»);
- влияние широкого социального опыта или генерализованной модели поведения («обобщенного другого»).

Ценности и нормы, заимствованные из внешней среды, интернализуются и включаются в структуру идентичности. Английский психолог Г. Тэджфел, акцентируя внимание на ценностном компоненте социальной идентичности, определяет последнюю как «знание индивида, что он принадлежит к некоторым социальным группам вместе с некоторой эмоционально и ценностно значимой для него этой групповой принадлежностью» [3, с. 112]. Отождествление с общностью предполагает ценностное сопоставление «мы» и «они» («свои» и «чужие»). Вместе с тем, социальная категоризация как элемент процесса формирования самости включает оценочное отношение субъекта к группе под влиянием системы ценностных ориентаций.

Основной механизм социальной идентификации, согласно диспозиционной концепции В. Я. Ядова, – это «сопоставление (или противопоставление) интересов, взглядов, ценностей, оценок, моделей поведения своей группы (общности) тем, которые полагаются не своими (или враждебными), интересы которых безразличны для данной общности или конфликтны» [23, с. 162]. Многообразие стратегий идентификации в современном мире требует самоопределения в отношении различных систем ценностей. Осознание и эмоциональное переживание тождества с этнической общностью отсылает, прежде всего, к традиционным, базовым ценностям культуры. Таким образом, коллективная, в том числе этнокультурная, идентичность предполагает, во-первых, сопоставление (или противопоставление) ценностных систем, и, во-вторых, выбор и выработку определенной ценностной иерархии, отличающей данную группу от остальных.

Ценностные ориентации представляют собой динамическую систему, они находятся под воздействием постоянно трансформирующихся условий социальной среды и потребностей индивидов. Изменяться могут как отдельные компоненты, так и взаимосвязи между ними: под влиянием объективных и субъективных факторов одни явления теряют свою ценность для индивида или группы, другие – поднимаются до уровня высших ценностей. Динамичность ценностей допускает возможность перманентной трансформации иерархии значимостей в течение жизни. Особенно ярко

это проявляется в период молодости, когда система ценностей находится в стадии становления, как и сама личность.

Молодое поколение как восковая дощечка отражает состояние своего социального окружения и изменения, происходящие в нем. Особую значимость этот факт приобретает в переходные, кризисные моменты, связанные с преобразованиями на уровне локального или глобального общества. Изучив портрет молодежи, можно построить картину современного общества, тенденций его изменения и перспектив развития. Отношение современной молодежи к традиционным, базовым ценностям культуры станет фундаментом будущей этнокультурной идентичности общества.

Традиционные ценности русской культуры

Традиционный характер ценностей определяется культурным и историческим контекстом. В концепции Р. Инглхарта и К. Вельцеля, основанной на эмпирических исследованиях Европейских стран 2008–2010 гг., традиционные ценности противопоставляются секулярно-рациональным [6]. Отмечается сдвиг в сторону секулярно-рациональной группы в постиндустриальном обществе. Кроме того, существенным фактором оказывается временная перспектива: в развитых странах наблюдаются значительные межпоколенческие различия в ценностных иерархиях. Молодые люди ориентируются, прежде всего, на секулярно-рациональные ценности, в то время как старшее поколение делает акцент на традициях.

Базовые для русской культуры ценности нашли отражение в исследованиях Н. И. Лапина. Его работы посвящены наиболее общим ценностям, «составляющим основание ценностного сознания людей и подспудно влияющим на их поступки в различных областях жизнедеятельности» [11, с. 5]. Базовые ценности, с точки зрения автора, формируются в период первичной социализации, а к периоду молодости должно сложиться более или менее устойчивое отношение к ним. Основные выводы автора описывают специфику сознания населения в кризисно-реформируемом социуме, охваченном трансформационными процессами.

По типу цивилизационной принадлежности, наряду с традиционными ценностями, Н. И. Лапин выделяет современные и общечеловеческие. Традиционная группа ценностей ориентирована на воспроизводство социального порядка и включает ценности семьи, общительности, жертвенности, своевольности и собственно традицию. Противоположный тип цивилизационной принадлежности формирует современные ценности, присущие обществам типа *modernity*, нацеленным на инновации и прогресс. В

эту группу входят жизнь, свобода, инициативность и независимость. Общечеловеческие ценности свойственны как современным, так и традиционным обществам, однако генетически они ближе ко вторым как исторически более ранним. Эта группа включает ценности порядка, благополучия, работы, общительности, властности и нравственности.

Необходимо отметить, что перечень ценностей, присущих традиционной русской культуре, трактуется исследователями по-разному. Так, согласно Е. Г. Ясину, к таким ценностям относятся духовность, коллективизм, самопожертвование, соборность, труд, размах, широта, нестяжательство, справедливость и эмоциональность [24]. А. С. Кармин выделяет следующие ценности, традиционные для русского народа: коллективизм, бескорыстие, духовность, непрактичность, гиперболизм, культ власти, патриотизм [7, с. 125]. Противоположный полюс ценностной иерархии образуют антиценности, к которым автор относит индивидуализм, утилитаризм, расчет, практическую активность, умеренность, независимость частной жизни, космополитизм. Теоретические обобщения, сделанные А. С. Карминым относительно традиционных ценностей русской культуры, основаны на анализе русской религиозной философии XIX в., а также философских взглядов славянофилов.

Роль традиционных ценностей в культуре варьируется в зависимости от типа социокультурной преемственности. В устойчивых обществах традиция имеет консолидирующее значение, обеспечивая механизмы наследования и поступательного развития. В транзитивных рискогенных системах разнородные элементы пространства вырабатывают новые ценности, зачастую ориентированные на выживание, адаптацию к быстро меняющейся социальной среде. Такой тип преемственности нивелирует роль традиционных ценностей в жизни молодого поколения.

Французский социолог М. Хальбвакс подчеркивает непреходящую значимость памяти и традиции [21]. Сохраняя элементы прошлого, общество создает себе своеобразную «подушку безопасности» на случай, если не сможет найти замену традиционным формам жизни или ценностям. В то же время, успешность ряда трансформаций связана с тем, что они «маскируются» под традиции. В результате такой подмены члены общества и социальные группы склонны в большей степени принимать новации. При этом М. Хальбвакс не отрицает конвенционального характера традиции, которая, аналогично воспоминаниям, пересматривается в интересах сегодняшнего дня.

Традиционные ценности в сознании современной российской молодежи

Отношение современного молодого поколения к традиционным для русской культуры ценностям отражает тот тип социокультурной преемственности, который сложился в российском обществе в последние десятилетия. Характер этой преемственности определяет специфику этнокультурной идентичности, развертывающееся во времени представление коллективного субъекта о себе.

В ряду традиционных ценностей, выделяемых исследователями, наибольшее внимание уделяется воспитанию патриотизма как нравственного принципа, характеризующего отношение граждан к своей стране. С. Ю. Иванова отмечает следующие особенности современного понимания Отечества. С одной стороны, сохранилась преемственность с патриотическим сознанием периода СССР, с другой – изменились объект и субъект патриотизма, трансформировался идеологический контекст, в результате чего произошел разрыв с частью исторического прошлого [5, с. 22]. Результаты авторского анкетного опроса подтверждают неоднозначность отношения к Родине в молодежной генерации¹.

С одной стороны, уровень номинального, декларируемого патриотизма высокий: 82,6% опрошенных в 2015 г. и 64,5% в 2020 г. согласны и скорее согласны с оценкой России в качестве великой державы. С другой стороны, поведенческая составляющая ценности демонстрирует более низкие показатели. В современной России каждый молодой человек за исключением ряда случаев считается военнообязанным. Согласно результатам исследования, 68,9% респондентов-мужчин в 2015 г. и 84,8% в 2020 г. не готовы служить в армии. Об уровне патриотизма также можно судить по состоянию эмиграционных настроений. Для России вопрос «утечки мозгов», выезда квалифицированных, и, в первую очередь, молодых специалистов стоит очень остро.

Одна из ключевых тенденций трансформации ценностного сознания, по данным мониторинга под руководством Н. И. Лапина, – рост популярности западного прагматизма и индивидуализма [10]. В исследовании М. А. Давыдовой зафиксировано сохранение в молодежной среде традиционных ценностей – ориентации на сотрудничество, взаимодействие, склонность к социальной активности: 54 % респондентов причислили себя к коллективистам, а 46% – к индивидуалистам [4]. Данные авторского анкетного опроса выявили противоречивую ситуацию в отношении ценностной дилеммы «коллективизм-индивидуализм». Полученные данные позволяют заключить, что отношение к коллективизму варьируется на разных уровнях социальной

¹ Авторское эмпирическое исследование ценностных ориентаций современной молодежи г. Москвы и Московской области (2015, 2020 гг., выборка 600 и 150 человек соответственно).

системы. На макроуровне, где в качестве «коллектива» выступает общество в целом или отдельная страна, степень ориентации на интересы целого меньше, чем на микроуровне – в сфере межличностных взаимодействий.

Индивидуализм, как антипод коллективизма, подразумевает неготовность жертвовать личной выгодой ради блага других людей. В английском фольклоре этот принцип нашел отражение в пословице «Кто всем служит, тому никто не платит», осуждающей альтруистическое отношение к другому человеку. Каждый третий опрошенный (34,0% в 2015 г. и 35,5% в 2020 г.) согласился с основной идеей, заключенной в английской пословице, полностью не согласились с ней лишь 4,2% респондентов в 2015 г. и 7,2% в 2020 г. Принцип альтруизма и жертвенного служения другим людям, отражающий специфику традиционного мировоззрения русского человека, не находит понимания среди современной молодежи, более склонной к западным образцам поведения.

Важнейшее место в структуре традиционных занимают нравственные ценности как совокупность этических идеалов и принципов, один из которых – справедливость. Отечественный исследователь М. И. Козлов констатирует переориентацию общественного сознания (в особенности среди молодого поколения) с гуманистических идеалов на ценности материального благополучия и гедонизма [9, с. 148]. Противоречие российской действительности принципам справедливости проявляется в неравном доступе к образованию, дискриминации по гендерному признаку, поляризации условий и уровня жизни населения.

По результатам авторского исследования мы можем судить о наличии среди определенной части современной молодежи индифферентности при оценке фактического распределения экономических благ в современной России. Так, например, около трети (27,8% в 2015 г. и 33,6% в 2020 г.) респондентов заняли нейтральную позицию при оценке высоких заработных плат сотрудников компании «Газпром», согласившись с тем, что высокие доходы остаются личным делом сотрудников компании. При этом нейтральное отношение к неравномерной дифференциации доходов в обществе сочетается в сознании молодежи с осуждением нелегитимных способов получения социальных благ.

В ходе анкетирования зафиксировано отсутствие среди молодых людей единого мнения по вопросам, касающимся соответствия налоговой системы РФ принципам справедливости. Доля респондентов, согласившихся с тем, что люди, имеющие высокие доходы, не должны платить за тех, кто не умеет зарабатывать, что неизбежно при

введении прогрессивной шкалы налогов, существенно не отличается от доли несогласных. Наличие значительной группы молодых людей, занимающих нейтральную позицию в отношении ценности справедливости может выступать показателем отсутствия сложившейся точки зрения относительно критериев оценки социальной действительности. В определенной степени это отражает плюрализм ценностных систем современного общества, отрицание абсолютных идеалов, в том числе идеалов справедливости.

Выводы

Ценности служат связующим звеном между объективной социальной средой и внутренним миром личности, составляя важнейшую часть структуры индивидуального и коллективного сознания. Влияя на систему ценностных ориентаций индивида, общество и отдельные социальные группы формируют представление о социально одобряемых и желательных моделях поведения и взаимодействия. Традиционные ценности обеспечивают общность не только в синхроническом, но и в диахроническом плане, поддерживая социокультурную преемственность. Наследование играет существенную роль в воспроизводстве социальных стандартов и образцов поведения, обеспечении стабильности и интеграции общества.

Наиболее существенные характеристики ценностных систем с точки зрения процессов идентификации – их относительная стабильность – с одной стороны, и зависимость от социальных условий – с другой. Социальные трансформации затрагивают принятую в обществе иерархию и внутреннее содержание ценностей. Последнее отчетливо прослеживается на примере отношения современной молодежи к патриотизму, коллективизму и справедливости. Будучи традиционными для русской культуры, данные ценности претерпели существенное изменение в сознании молодого поколения. Неверным было бы утверждение, что современная молодежь полностью перенимает западные или общечеловеческие ориентиры. Реальная ситуация видится более сложной: молодые люди демонстрируют двойственное отношение к традиционным ценностям. Степень их принятия зависит от того, идет ли речь о ближайшем или более широком социальном окружении, затрагивает ли ситуация человека лично или он рассуждает о ней абстрактно, требуется ли выполнение действия, связанного с манифестацией приверженности той или иной ценности.

С позиции этнокультурной идентичности изменение содержания традиционных ценностей в глазах молодого поколения означает нарушение преемственности как

базового принципа самоопределения. Традиционный пласт ценностей русской культуры в условиях «текущей современности» не обеспечивает той системы смыслов, которая одинаково интерпретировалась бы следующими друг за другом поколениями. Вместе с тем, идентификация с наследием не может быть полной без освоения и принятия ценностей общества. Следовательно, этнокультурная идентичность современной молодежи не может быть сформирована на основе традиционных для русской культуры ценностей патриотизма, коллективизма и справедливости.

Возрастание значимости запроса на локальные формы самоопределения в сочетании с трансформацией традиционных ценностей актуализирует проблему поиска молодыми людьми «смысла себя». Ситуативные факторы идентификации, равно как и имитационные формы самости («маски») не могут рассматриваться в качестве решения этой проблемы. Возможный ответ видится в поиске интегрирующего потенциала других видов традиционных ценностей, а также в ориентации на современные системы смыслов, разделяемые большей частью этнической группы и составляющие ее самобытность. Необходимо учитывать полиэтничность российского общества, что, с одной стороны, усложняет поиск консолидирующих основ, с другой – дает ресурс самоопределения на локальном уровне тем группам, которые в меньшей степени испытывают воздействие транзитивных процессов.

Библиографический список:

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 22–34.
3. Горбатенко Н.С., Сидоренков А.В. Концептуальные компоненты подхода теории социальной идентичности к изучению групп // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2008. №4. С. 112-116.
4. Давыдова М.А. Ценности коллективизма и индивидуализма в молодежной среде (опыт эмпирического исследования) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Davidova.pdf>. (дата обращения: 05.05.2021).
5. Иванова С.Ю. Патриотизм в культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Иванова Светлана Юрьевна. Ставрополь, 2004. 46 с.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. Кармин А.С. Культурология. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Издательство «Лань», 2003. 928 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

9. Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. Архангельск: КИРА, 2010. 201 с.
10. Лапин Н.И. Базовые ценности россиян. Социальные установки, жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Гнозис, 2003. 448 с.
11. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. №5. С. 3-23.
12. Малыгина И.В. Динамика этнокультурной идентичности: мировые тренды и российская специфика [Электронный ресурс] // Культура культуры. Научное рецензируемое периодическое издание. 2017. №1. Режим доступа: <http://cult-cult.ru/archive-2017-1/> (дата обращения: 05.05.2021).
13. Малыгина И.В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 13 (829). С. 173-185.
14. Малыгина И.В. Российская идентичность в контексте культурных «разломов» глобального и локального // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 1. Т. I (Гуманитарные науки). С. 242-246.
15. Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: Онтология, морфология, динамика: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Малыгина Ирина Викторовна. Москва, 2005. 305 с.
16. Нора П. Расстройство исторической идентичности [Электронный ресурс] // Российский электронный журнал «Мир истории». 2001. №1. Режим доступа: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (дата обращения: 05.05.2021).
17. Стефаненко Т.Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/social/ethnic> (дата обращения: 05.05.2021).
18. Федотова В.Г. Анархия и порядок. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 141 с.
19. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
20. Федотова Н.Н. Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 3. С. 75-92.
21. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
22. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: Издательство АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
23. Ядов В.Я. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. №3-4. С. 158-181.
24. Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. №4. С. 4-36.

Sedova L. Traditional values in the structure of ethnocultural identity of modern youth

The socio-cultural context of socialization of the modern youth is influenced by the different transformation processes, which concern nation states and the whole world. Globalization, accompanied by the diffusion of cultural patterns, norms and lifestyles, increases

the framework for identification. The number of agents and factors of socialization is increased. Mass culture take the lead in the socialization of the modern youth, whereas the traditional values of the local culture recede into the background. The emergence and spread of new means of communication transform the context of identification of the young generation. The contradictory tendencies of socialization are enhanced by the ideology of tolerance, the ideas of social movements, and the emancipation of minorities. In such situation, the problem of ethnocultural identity is actualized, because of the high integration potential of this form of identity in the cultural system.

Keywords: identity, social identity, ethnocultural identity, values, value orientations, traditional values, youth